

Михаил Квадратов

Землепользование

Стихотворения

Издательские решения
По лицензии Ridero
2016

УДК 82-1
ББК 84-5
К32

Квадратов Михаил
К32 Землепользование : Стихотворения. — [б. м.] : Издательские
решения, 2016. — 190 с. — ISBN 978-5-4474-1810-6

«Землепользование» — вторая книга московского поэта Михаила Квадратова. Была издана по оригинал-макету ОАО «Русский двор» в 2006 году. Переиздание 2015 года.

В «Землепользовании» поэт уводит читателя в фантомный мир, в котором безошибочно угадывается суть мира настоящего. Единожды посетив открывшиеся пространства, читатель не останется прежним.

УДК 82-1
ББК 84-5

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Переходы

Переходы

Чего ещё возьмёшь со смерти —
Она четвёртый вечер вертит
Разорванным календарём;
Поёт: когда мы все умрём;
Суёт билеты и пин-коды —
Давно пора, но пешеход
Тайком рисует переходы
И не умрёт.

Душа

Я любитель картофелин, гад и левша
Из пластилина.
К моему пластилину прилипла душа —
Плюшевая фелина.

А быть может, душа и не кошка совсем,
А нефритовый кролик.
Этот кролик не любит того, что я ем —
Скрепками колет.

Хочет на волю...

Кот

Долги раздать, проститься с Ними,
Сменить район, эпоху, имя,
Порвать связующую нить,
Соседям сверху подарить
Четыре пары хромосом –
Меланхолическим котом,
В конечном счёте, обернуться
Вблизи неведомого блюда
И с продолжением – потом.

Прошлые (для Argentum)

Вышли – надумали:

Стать недалёкими, быть невеликими,
Лёгкими кликами, красными бликами,
Чёрными грумами,

Белыми крошками,
Вверх перебежками – вниз перегонами,
Из безвоздушного Иерихона мы
Беглые, прошлые,

Пели и падали,
Будто из повести лётчик и лётчица –
Вот было радости. Слушай, чем кончится...
Надо ли, надо ли...

Хоровод

Ты же знаешь, в середине января
Обязательно приходит новый год.
Злые дети нарядили упря,
Целовали и водили хоровод.

Хороводик растворился на заре,
Мы же к вечеру растаем, будто бред.
Новый год всегда приходит в январе:
Ты же знаешь, потому что смерти нет.

этой ночью воздух обесточен
нечего искать такую ночью

заходи — совсем недалеко
там зима в прокуренном трико

кашляет — но ей немного лучше
там горит табак её колючий

светят фотографии огня
там зима не смотрит на меня

мы живые мы лежим на вате
мы живём в оборванной цитате

что кругом другие города
где никто не будет никогда

этой ночью воздух обесцвечен
мы не дышим — незачем и нечем

Холодно

Ох отнимут узелок
Тот где левые печати
Да ненужная книжонка
А отпустят после трёх
Ты чего какая тачка
На дворе никто не любит
Лишь украдкой поцелует
Беспокойный пьяный ангел
На Владимирской дороге
В переходе у метро
Мимо яви мимо нави
Полетишь совсем ненужный
Над пятнистыми полями
Над зеркальными морями
Горьким порошком
Хорошо бы хорошо
На второе да на дно
Только холодно
Холодно
Мокрые носки
Провалился да без шапки
Уф не хочется на небо
Тут полюбишь
Злое утро

Хранитель

Ты сегодня никакой,
Только где-то над Москвой,
Покидая вырезвитель,
Светлый ангел – твой хранитель,
Полетит, подобный птичке,
На небесной электричке
В горний град Ерусалим,
И труба золотая с ним.
Он сыграет на трубе
И поплачет о тебе.

Снег

Ему уже заняться нечем –
Он засыпает будуар,
И ангел – лунный санитар
Меня уводит каждый вечер

В подвал, где тайники забиты
Малиновым фруктовым льдом,
Казнить неведомым судом –
Небесным призрачным ипритом.

Сумерки

Отгудело, отгуляло,
Засыпает Божий мир,
В миске спит бульдожий сыр,
Спит бульдог под одеялом,

Спит за синею гардиной
Деревянный лилипут,
Он не ведает минут,
Он обёрнут паутиной.

Я — линейки не касаюсь.
Всё расчерчено давно.
Я весь день глядел в окно.
Я — здоров. Я улыбаюсь.

Котик

Я заснул, и вы уснёте.
Выплывает серый котик,
Пишет сереньким мелком:
«Ты сегодня далеко».

«Ты рискуешь оказаться
В храме слабых странгуляций».
«Твой небесный барабан —
Акустический обман».

Пишет котик на паркете,
На стене и в туалете.
Вы проснётесь поутру —
Я уже сотру.

Лиза

Над странюю
задёрнуты шторы;
сиделка-зима, печники.
Знаешь — солнце в запое —
и спит, и болеет, и ноет,
и, наверное, рвёт дневники,
рвёт конверты; но скоро
сорвётся с карниза,
взлетит над тобою —
такое бывает весной.
О, бедная Лиза.

Апрель

Молчать, не слышать,
Когда постылая зима.
Сползать с унылого ума
По мёрзлой крыше.

Но мимоходом
Апрель – летучая вода
Столкнёт, любя, на провода.
Лети. Свобода.

Ленинград

Я запомнил по рассказам:
Здесь, оставленная мной
Под шершавой мостовой,
Спит душа болотным газом;

Спят чужие селезёнки
И увечная весна.
Я сегодня мал и слаб,
Как мизинец стриптизёрки,

Что предательски ленива,
Да и мне сегодня лень —
Я подглядывал весь день,
Как летает над заливом

Без ветрила и без крыльев,
Преподобен, сед и свят,
Сторожа безумный град,
Ангел острова — Васильев —

Психотропную ракетой,
Непохожей на свечу.
Скоро следом полечу,
Скоро тоже буду где-то.

КОЛЧЕДАН

можно ответить — нет, можно ответить — да
если простит вода, в окна войдёт земля
розовый колчедан, стёртые вензеля
камешком в сапоге солнечная руда

лучше не говори, лучше — лицом к стене
слушать чужие сны, в каждом рисунке — снег
в каждом стакане — лёд, сладок летучий яд
думали — недалёт, видимо, не простят

Перекрёсток

В особый час, в особом месте
Угрюмый церемониймейстер
Бредёт в извёстке и тоске,
Рисует крестик на песке —

И на условном перекрёстке
Кипит в таинственном напёрстке
Густой растительный настой.
Меня здесь нет. И ты не стой.

Звёзды

Светят звёзды Пифагора
Над Кремлём,
Ты не слушай разговоров,
Что помрём,
Что такой-то жил, да скоро
И погиб.
Посмотри же, как мне впору
Чёрный нимб.

Картонка

Нас на свете не бывает,
Нас придумали потомки,
Тонким слоем на картонке
Нарисуют в тёплом мае.

На картоночке упрямо
Бьётся, бьётся дольче вита,
Ручейком эритроцитов
Вниз по лезвию Оккама.

Под землёй

Звенит подземная пружина —
Иди, смотри.
Снаружи, может, всё зажило,
А изнутри —
Я сам судья и провожатый
На поезда,
И ожидающий расплаты;
И в час, когда
Летят вагоны в незнакомый
Подземный лес,
Выходят каменные гномы
Наперерез.

метаморфоз

шаловное солнышко морочит:
опять прорвало кокон ночи —
гляди с балкона и в окно:
неугомонное, оно

латунной бабочкой калёной
лежит на крышке небосклона,
пугает нас, пускает сок
и тянет острый хоботок

Венеция

Жизнь – весёлая игра.
На Венецианском фронте –
Pronto, pronto – вы умрёте,
Вы умрёте до утра.

Но безумный сваебой,
Словно позапрошлым летом,
Чёрным шёлковым манжетом
Заполощет над собой –

Подбирается гроза,
Куполам и минаретам
Тем же неслучайным цветом
Пририсованы глаза –

Льётся мёртвая вода.
Вы плывёте, вы идёте,
Вы проснетесь в самолёте –
Мы играем в города.

розмари

нам лежать в остывшем персеполе
на несуществующей траве
без сюжета без вины и боли
вечером в четыре в голове
лопнет электрическая нитка
подрожит немного и внутри
задохнётся пленная улитка
старая улитка розмари

День

С утра ползти на зов знакомый,
Из мягкой комы, мимо дома;
Лежать в безжалостной смоле,
Затем катиться по земле
Липучей карамелькой с вишней;
Не умирать, остаться лишним,
Быть не таким и не при чём,
Дрожать оранжевым лучом,
Пока хрустальный световод
Тебя коварно проведёт
Сквозь пищевод левиафана;
Лениться, притворяться пьяным —
Опять валяться на боку;
Успеть к четвёртому звонку
Помочь прекрасной эфиопке
Кропить в серебряной коробке
Настоем ягод и цветков
Дюймовок, гномов, колобков.

Кораблик

Музыкальный кораблик — пружинный конвой —
Напевая, кивая, плывёт за тобой;
Даже если утопишься — следом
Захлебнётся малиновым бредом,

Затаится на дне, а потом изнутри
Голося, припадая на счёт раз-два-три,
Будет биться последнее скерцо,
Но надёжна латунная дверца.

не удержать

не удержать — уплыли
можно кричать — не поможет
вечером над облаками
вдоль небесной камбоджи
вдаль по небесной каме
на надувном крокодиле
из прошлогодней кожи
те что меня не любили
те что хранили — тоже

машут руками

Рисунок

Рисунок левою рукой
На корке старого блокнота —
Два лета медленного лёта
Над пересохшею рекой;

Царя унёс угрюмый дух,
Но не в пролёт и не с балкона,
Не по следам квадриллиона
Меланхолических старух,

Вертящих золотую нить,
Ворча, что их опять забыли,
Пока летали легче пыли.
Его уж точно не забыть:

Он видит сны — и вас во сне —
В хрустальном стареньком бараке,
И с ним усталые собаки
На тёплой кафельной луне.

Жара

Слышишь: выжжены жарой,
прорывая оболочки,
крошатся пустые строчки.
Или, может, неживой

трётся ветер об эфир
недобритою щекою —
счастья нет — и фиг с тобою.
Или из пустых квартир

пролетая на жуках —
невесомы, многоноги —
шелестят былые боги
на засохших языках.

для СтеппенВольфа

когда горит нервический париж
сворачиваясь чёрными цветами
ты говоришь и медлишь и паришь
мы это пламя

мы эти бабочки мы сладкий чад
мы саранча сжигающая клевер
и саламандры юные кричат
домой на север

Happy birthday

Иллюзионом зыбкая свобода,
На день домой – такое время года,
Каникулы, Николь, другие голоса,
Портвейн, вторая полка – ближе небеса,
На чёрных линиях ночные поезда,
Сквозь угро-финские леса лететь туда,
Где бабушка спасёт и сохранит;
Уже болит, но всё же не пиит,
Пока не пишется – ещё не одинок.
Но вот вагон на перегоне на восток
Обгонит Время в кедах – меж обедом
И завтраком, в дыму, на спор с соседом:
Оно потом не вспомнит этот морок
И эту скорость. Синих переборок
Плац-карты не увидеть. Он проснётся,
И будет день; наверно, будет солнце
Уже совсем другим, он не узнает лес.
И нет ни бабушки, ни дома, ни небес.
И скоро сорок.

Велосипед

А в сорок стать хорошим, и за это
В награду от муниципалитета
Оформят разрешение (не медаль)
И справку на провоз в метро велосипеда;
И фарою светить, когда не станет света,
Рукою левою крутя педаль,
И, не участвуя в весёлой суете
Смеющихся, свистящих в темноте,
Мечтающих дойти до турникета,
Читать главу вторую Фауста, опять
Пытаясь хоть чего-то в ней понять.
Всё тщета.

делирий

пикируя на плоскости полян,
как падавший когда-то снег из ваты,
из комнаты, где псы и психопаты,
из греков, из сарматов, из древлян,
из траченных латынью серых снов,
из старых слов в разбитых окнах гугля —
не найденных — обходчик нездоров;
возьми в полёт эфира, серы, угля,
любви из боли, сердце из свинца...

...живущие от третьего лица
по клёкоте ликующих валькирий
начнут пеленговать его делирий —
они спешат смешного беглеца
запаковать в небесный целлофан...

...но поздно — он просвечен, но не пьян,
он вырвется из горней процедурной,
обломками ревущего сатурна
осыплется на золото полян.

Туча

как сладко осенью возжечь
кирпичики любимых книжек
по лесенке слепого дыма
сопя карабкаться наверх

и в серой туче увидеть
большого огненного дятла
и в ужасе бежать по туче
и в туче ноги промочить

и инфлюэнцей заболеть
и умереть и не вернуться
и ничего потом не помнить
совсем не помнить ни о чем

ГНОСТИК

Подняться утром
Сверкает осень
Как дым оранжев
Как близко к Богу
Душа ликует
Душа томится
В объятьях плоти
Как тесно тело
О эти карлики-
— хирурги
В тяжёлых шапках
Из меха зверя
В умильных ботах
Из кожи с медью
Не брызнет искра
Из-под подошвы

Давай давай же!
И плоть разъяли
Распался кокон
Наружу с треском
Душа взлетела
Ещё дрожала
Но вот обсохла
И заискрилась

И вот – запела
Чуть-чуть фальшиво
Пускай – привыкнет
К гармонии
В хрустальных сферах

осеннее

было нынче лето или нет —
кто повозку лунную догонит
выглянули — осень на балконе
на дворе на рельсах на луне
мокрые драконы в конуре
мокрый иероглиф на заборе
первый снег на черном мониторе
да опять нули в календаре

Стены

...Здесь указано всё, и расписаны сцены,
Что нам делать на этом полу из стекла,
Тихо-тихо вздыхают стеклянные стены,
И внимательный взгляд из другого угла,

И пока не пошлют за врачами соседи,
Нас укроет (свобода ему дорога),
Нас вдохнёт сквозь трубу из изъеденной меди
Древний бог четверга, страшный бог четверга.

Прохожий (О. Р.)

Я последний осенний прохожий, а тут
Только жёлтые листья по лужам плывут.
Эти лужи — без дна, этот город — китаи,
Ты последние сводки ночные читай —

Им положено быть где-то в области сердца.

Не разгадывай ночь — не читая, уйду.
Утром листья-галеры замёрзнут во льду,
И гребцы на галерах, конечно, умрут —
Так всегда умирают рабы поутру,

Если некуда плыть, если некуда деться.

в среду вечером скажут — сдуру можешь поверить
этой ночью опять умирать — заплакать
и вот из тебя убегают разные птицы и рыбы и звери
в перелески садки перекрёстки слякоть
слёзы глотают — чёрный йогурт четверг — liebe mutter
думать думать одно — холодно — как всего было мало

жизнь вернётся обратно в пятницу утром
мокрой собакой под одеяло

Дедушка

Дедушка в муаровых обносках
Помирает на горбатых досках,
Ничего ему уже не надо,
Таает старомодная помада,
Красная москва проела шаль,
Не нужна красивая каталка,
И ему себя уже не жалко.
Ну а мне себя сегодня жаль.

Судьба

Подглядывать из детства сквозь трубу,
Трубить в неё, выслеживать судьбу,
Выискивать судьбы приманки лисьи;
К чему? — Но мы нашли и повелись, и
Случайно выпали из времени в бреду —
Теперь зима четыре месяца в году,
И мы уже не верим, будто где-то
Зима — пломбир, всё остальное — лето.

Словоловы

Словоловы птицеловы:
Нележки, всегда готовы:
Ловят в маленькую сеть
Слово жизнь и слово смерть.

Скажут: жизнь – смешное слово,
Лёд на палочке еловой,
Пережжённый леденец.
Вот начало – вот конец.

сидит, кивает головой
его из книги долговой
наутро выведут квасцами
а дальше — выбирайте сами
вам — иммортели асфодели —
и вот ночные метрдотели
несут летейский кипяток:
никто не будет одинок

Изюм

Приговорённый вечностью сидел и думал:
Куда ведёт
Беседа едоков горячего изюма,
Кривящих рот.

Ведь корабли ведомы не туда, не теми,
Тяжёл помол.
И лопались слова, и проливалось время
На тёплый стол.

заставляли остаться живым: чтобы наверняка —
рисовали усталое солнце, другие предметы;
выкликали, искали, хотели оставить пометы
в специальных разделах спасительного дневника,
запереть от судьбы в кипарисовом теле ларца —
ты теперь пассажиром в дежурном бумажном вагоне,
и тебя, может быть, может быть, до утра не догонят
бытовые убийцы и девушки в белых венцах

Черновики

Верти, накручивай словес тугую вязь;
Щелчок — из рук летит пластмассовый стаканчик.
Я маленький звонарь, я оловянный мальчик,
Я жив, пока строка не порвалась.

...Когда просыплется песчаная строка,
В последнем приступе забудется колокольчик,
Проступит на песке твоя личина волчья.
Отец, я оживу в твоих черновиках.

Ужин

Мефодий

Мефодий пьян, срывается домой,
Неявный бег кротов под мостовой,
Далёкий клёкот бешеных грачей
Его страшит, он беден, он ничей.

И восемь кошек, семеро котят
В окошки укоризненно глядят;
И говорит почтенный господин:
«Повсюду жизнь. Мефодий не один:

Он редко жил, но жизнь себя являла:
Пружинила, срывала одеяло,
Гнала по трубкам кровь и молоко.
Беги, беги — уже недалеко».

любовь — это всё же что-то другое
игрушечный гризли ueber pluesch
кукол фарфоровых девять душ
случайно мучил любовной тоскою
поэтому каждую ночь на thursday
в скором поезде на сычуань
la barbaletta — мультяшная дрянь
вбивает в него свой хрустальный гвоздик

Апельсины (И. А.)

Сегодня утром рассказала
Про пёсика микроцефала,
Про сон о Бесси и Рауле,
И что увозят — обманули —

Родители уже в июле.
Любителям родного чада
Всегда от вас чего-то надо.
Адриатического ада

Подале даже будет лёту —
Туда, где каждую субботу
В песках пырей да свиной
Одни колдуют над жарой.

И чтобы не заколдовали —
Возьми в двенадцатом подвале
Пучок пакетиков лучины,
Со стройплощадки милой глины —

Рецепт перцепции былинный;
Не ешь чужие апельсины,
Не ставь салатницу на край
И про и-мэйл не забывай.

Змея (И. А.)

Ты — не ты, и я — не я:
Проглотить себя змея
Не сумела, не успела,
Почему — не наше дело:

Недоморок, полаявь,
Ты сюда ещё добавь
То, что было неспроста,
Перепутаны места,

Сожжены чужие дни,
Мы, конечно, не одни,
Как всегда идти домой
Ни к тебе и не со мной.

sugar-free poem

задувает фонари
намерзает лёд
baby baby sugar-free
нынче не придёт

нынче ночью хоровод
водит маленький народ
с ними до зари
baby sugar-free

Шар

Ма шер, ты помнишь, как вчера
Механик в шоколадном шаре
Ночные клавиши нашарил —
Пришла печальная пора:

Безумных цезарей вели
В ряду по четверо, по трое;
Шурша фольгой золотую,
Они бежали от земли,

Летели в марлевые сны,
Но их туда не отпускали;
И лишь прекрасная в печали
Богиня, свесившись с луны,

Желала их — простой каприз.
Она совсем не понимала,
Куда вели, какого фалла,
Бросала землянику вниз.

Но землянику я не ем,
А ты свежа и хороша и
Летала в шоколадном шаре.
Но не рассказывай. Зачем?

Ужин

Как в Вашей книге, подан лёгкий ужин.
Опять мужа сорокалетних жён
отважились, наверное. И он,
наверное, отважился. Контужен,
привычным жестом снова поражён.
Ведь в Вашей книге некий Аполлон —
косая сажень, саженцы, корица —
в пропорции. И будет говорить
и петься, что ненужен. И смешон.

Замерзать

Уходи, уходи, улетай
Колокольчик, волчонок, беглянка;
По солёному льду, по лубянкам,
Проливая малиновый чай

На календулы и на дома –
Мне теперь не летать за тобою –
Ты отравлена глупой весной;
Позабудем – вздыхает зима,

Позабуду – закрою глаза,
Мне останется зимнее имя,
Я, наверное, буду с другими
Замерзать.

Саламандра

Жжётся, жжётся малый пламень,
и была она —
саламандра на тефале,
он опомнится едва ли,
он не спрячется за камень —
надо пить до дна.

Да небесный чай в стакане
горек и горяч.
Посмотри, какие тени —
ждать ненужных наваждений
он теперь уже не станет.
Вот и всё. Поплачь.

Незабудка

Мне тебя не забыть, и на память
Поцарапаться осколком от чашки,
Иль порезать пальцы пропавшей
Незабудкой из аптечной стекляшки,
Что весь день пролежала в кармане.

Мне весь день бы тебе улыбаться,
Только вот моя улыбочка набок,
И приклеилось словцо гуммиарабик,
Да ещё сегодня сильно достали
Огоньки на кончиках пальцев.

Ничей

Какая разница — ничей:
ничей — ни чёрного, ни белого;
набор случайных мелочей
нестоящих — какое дело вам,

когда он призрачную белочкой
сопит на пыльном чердаке
и удивительные мелочи
скрывает в маленькой руке.

Сосед

Глядите: ваш медлительный сосед
Карандашом зачёркивает лето;
Он – снеговик и не скрывает это,
Он бредит медью ледяных конфет,
Водю аскорбинового чая,
Нечаянно пролитого на вас.
...И дедушка, злодея обличая,
Скорбя, играет растаманский джаз.

Сто двадцать пятый

Сто двадцать пятый по вертикали –
Все подожжём.
В утлый квадратный кораблик попали
Карандашом.
Клопик под грифелем корчится еле,
Но не умрёт.
Время обеда в цветочном отделе.
Кончится год.

Зима

Опять в Евразии зима
Стоит в заснеженных вагонах,
Лежит на ближних полигонах
Бездымным порохом; дома

Палит наряженный народ,
Ликуя, пляшет на штандартах,
И циркулем на мутных картах
К полям приколот Новый год —

Ему укрыться не дадут,
Сойдутся для бесед и танцев.
...На ёлке первым из повстанцев
Повиснет злобный лилипут.

пеликаны (для n_{τ})

розовые пеликаны косолапят
лапами косыми лепят пончик
повздыхают и поделят на пять
мелких пеликаньих дочек

Новый год

Хвалили Лиду,
А вышло всё наоборот.
И сквозь обиду
Опять приходит Новый год.

Кораблик тесен,
И вместо круга — полоса.
И вместо песен
Глядеть в пустые небеса,

Вдевать в иголки
Презрения стальную нить
И возле ёлки
Жестоких пупсиков казнить.

Новогоднее

Благословенен Новый год,
Но в этот вечер от обиды
Всё перепуталось, и вот,
Надув огромное либидо,
Психопатический пятак
На дне прекрасной вазы звякал;
Всё было, в принципе, не так —
Хозяева бранили хряка
За неудачный вкус котлет;
Тот, на тропе реинкарнаций,
Кряхтел: счастливо оставаться,
Мол, жизнь прошла, а счастья нет.
Но чу! Звенят. Видать, двенадцать.

Пёс

Когда рождественский мороз
Коптит бензиновые лампы,
Пыхтит в застуженные лапы
Печальный баскервильский пёс —

Зимой его кусает сплин,
Он зол — чего же вы хотели:
Он станет ласковый в апреле.
Не плачь, барбос, ты не один.

ангел

ангел в яловой накидке
белобровый андрогин
у него внутри на нитке
на ветру среди равнин

две смешные половинки
полу-ME и полу-YOU
развалились на перинке
и поют

Натаниэль

Небо весну встречает,
И за окном капель.
Что же ты так печален,
Ангел Натаниэль.

Песни поёт голубка,
В поле растаял лёд.
Просто одна суккубка
Ангелам не даёт.

Рыбы

Мы продираемся по дну,
Срезая донные изгибы;
Мы – электрические рыбы.
Ты мой – люблю тебя одну.
И наугад – в пучину, в тину,
Пятнадцать тысяч лье – боюсь...
И я, конечно, рыба-минус.
А ты, наверно, рыба-плюс.

для АУ

так безнадежно влюбленными
но разделёнными стеблями
не дотянуться, нельзя, как велик замирающий сад
первой грозой ослеплёнными
глухонемыми констеблями
по garden square наощупь, навстречу, ползком, наугад

А. Е.

Не подходи к своим цветам:
Дюймовочка – маньячка там
В бутоны прячет по ночам
В угоду им, на пользу нам

Тычинки, пестики, нектар,
Орехи, медный самовар,
Конфеты, патоку и мёд,
Уютный дом (когда войдёт),

Пачулей, лилий аромат,
Ваниль, шанель и шоколад,
Чередованье милых сцен,
Густой травы приятный плен,

Котят, цыплят, моржей, ежей,
Под покровительством мужей
Слепую верность добрых жён,
Седьмую заповедь, бонтон,

Детей приличный кругозор,
Отцов достойные примеры.
А ей милее беломор
И запах серы.

Erotique

Лежать, отравленным жарою,
И в полусне бросать порою

Прощальный взгляд за жалюзи,
Зевая, вспомнить про Зизи,

Её резиновых друзей
И пластилиновый музей

С коллекцией непостоянной
На полочке в углу над ванной,

Где я, весёлый мономан,
Прижал оранжевый биплан,

Татуированный в полёте
Как раз над тем, что Вы зовёте

Порой кукушкиным гнездом —
Но это сад, эдем и дом.

В июле

В июле пыльном скажешь, что одна ты,
И не звонил неделю, две недели,
И тут нечаянно поймёшь, что значат:
Шуршание кротовые под асфальтом
И песня ручейка в чугунных трубах,
И листьев жесты за двойным окошком:
А мне что делать — как тебе оставить
Пароль/логин моей/твоей страницы
И ключ ночного шёпота собаки;
Но вдруг прорвусь строкою по и-мэйлу,
А уж потом пренебреженно стану
Улыбками твоих безумных эльфов.
— как ты сегодня мрачно шутишь
— я не шучу, я, как всегда, пророчу

nevercome

ты и я опять одно
утром погляди в окно
нас распилит nevercome
пополам и по кускам
и под мелодичный лепет
нас излечит и залепит
время серый пластилин
ты одна и я один

нам не справиться с ролью —
каждой твари по паре —
жестяной бестиарий
станет снегом и солью

у горы за сараем
нас найдёт и накроет
серединное море
таем тонем взлетаем

Беатриче

Беатриче, мастерица
Маленьких истерик,
С нею тот, что не боится
И сопит у двери.

Рядом спит на чемоданах
Белая собака,
Много названных и званых,
Ну, не надо плакать,

Что за тонкою стеною
Город под уклоном
Проползает пастилою,
Тёплым вавилоном,

Улыбается, лопочет,
Кормит пирогами,
А потом затопчет ночью
Ватными ногами.

Маша

Маша, Маша, мать твою,
Не пускала б более
Пароходик по ручью
Чёрной меланхолии.

Там на палубе обед,
С кренделями полочка,
Мой лирический портрет,
А во лбу иголочка.

елена

ах елена — русская рулетка
саламандра ревельский курок
первая предательская метка
первый перепутанный урок

надевали чёрные шинели
говорили — больше не умрём
выходили медлили летели
падали в небесный глинозём

МАЛЬВИНА

вчера под вечер умерла мальвина
мальвине было девяносто восемь
не спрашивай — такой бывает осень
в саду звенит оранжевая глина
и старость на хрустальном паровозе
за озеро недорого подвозит
не спрашивай — везёт поближе к дому
в котором радостно и всё знакомо

Фёдор

Кто-то, кто-то
Впереди,
У застывшего болота —
Рвётся сердце из груди —
До второго поворота —

Прямо к дому —
Да в постель,
Да лежать, напившись брому,
Слушать, как несёт метель
Застарелую истому,

Пепел синий,
Серый прах.
И больная берегиня
Спит в заснеженных кустах.

Бдолах (К. Л.)

О, доктор Боткин!
С огромным бубном из черепахи.
Не просит водки —
Мечтает выйти в твоей папаше,

В цветах и пчёлах.
Великим — каждый вечер праздник.
В кармане бдолах.
Да ночью холодно и блазнит.

Космополис

В нашей башне из костей,
Посреди равнины снежной,
Истомился дух мятежный,
Ждёт весёлых новостей;

В нашем поле кто-то воет,
Деревянную пилою
Поцарапали астрал.
От безделия устал

Толстый маленький Эрот —
Не танцует, не поёт,
На челе зимы приметы,
И ему досадно это.

...У весны — иные клейма:
Мы поедем за весной —
Покелейно, покупейно,
Поспешайте, ангел мой.

Там по леске ходит голый
Император Лженерон,
Подбивает на крамолу
Иностранцев и матрон,

И на маленьком баяне
Марчеллино Мастрояни
Теребит любовный бас.
Жизнь, похоже, удалас (ь).

Песенка

Я видел фильм в елецком шапито:
Я был Мефодий, брёл в чужом пальто;
Случайно привязавшись у сарая,
Его нагнала песенка простая.
Есть тайный ножик у простых мелодий —
И вот убит, и вот бежит Мефодий,
Уже недалеко ночной насест,
Вот дом — давай беги в подъезд:
Там женщина по имени Аглая,
Она живёт тремя годами рая,
Что выпали пятнадцать лет назад;
Названья комнат помнит невпопад.
Он рад — она его не видит:
Они порхают в сладостной обиде,
И, оттолкнувшись от картонных плит,
Мефодий воет, падает и спит.

вздорные гномики вздёрнули моцарта
сонные роботы съели мефодия
мы ещё снимся вам, милая родина?
как вам живется там?
кто эти люди – суккубы, инкубы ли?
просто играли потёртыми тайнами?
...просто проснулся тогда слишком рано мы
в день, когда умерли

Кристаллы зла

Вдохновение

Когда душа исходит на заре —
Пустое завтра, прошлое достало —
Выращиваю ложные кристаллы
В холодном алюминиевом ведре.

было весело сестрица сонечка
весело когда мы были дети
алистера кроули покойничка
рисовали мелом на паркете

щекотали крылышками толстого
заставляли шевелить щеками
а теперь всё скушное взрослое
толстые сами

СНЫ

1.

Спи, дитя, закроешь глазки —
Подкрадутся злые сказки.
Злые сказки плавят мозг,
Разъедают серый воск,

Воск накапает старушка
В алюминиевую кружку.
Угадает вещий сон —
Исполнять его должен.

2.

Как приказано во сне,
Пилигримом на коне
В воскресенье на подмогу
На военную дорогу.

Ты же знаешь — на луне
Сатана противен богу,
Бог противен сатане.
На войне как на войне.

Борьба (1)

Всё решилось впотьмах
В задымлённой квартире,
Где сошлись на ножах
Иринарх и Порфирий.

Лишь мерцали со стен
Санитарам со скорой
Крест больших перемен
И звезда Пифагора.

Борьба (2)

Снег умрёт под осиною,
Посинев от отчаянья.
Всё проснётся от таянья
За далёкой плотиною.

И доколе — не знаю я,
Биться клиньями свинскими
Будут белки Белинского
И бобры Чаадаева.

Гонец

У тебя, бездельника,
Каждый день война —
Цвета понедельника
Выдалась весна;

Мокнут подоконники,
Окончанья слов,
Двери и покойники
Из поддельных снов;

Веселятся нечисти,
Ноет третий зуб.
А гонец из вечности
Ест капустный суп —

Поиграет с кошками,
Уберёт кровать
И, стуча калошками,
Он пойдет искать.

оборотень

не беда — всегда
слеп и глух и нем
мне опять в ночи
уйти обратнем
ведь сегодня почти
полнолуние
на прощание прочти
песенку и мне
посмотри — уже
приползла зима
дрожью по коже
ты теперь сама
любимая тоже
льдинка на ноже

Ледяные шмели

Ледяные шмели –
Дребезжащие лезвия боли –
Не смогли, не нашли
По горячим следам, не вспороли

Золотой апельсин.
Мы ответим – их очередь падать.
Умер их господин.
Потекут ледяные лампы.

СПИЧКИ

в доме украдена вся изоленга
проводом тянется липкое лето
едкая нить

комната яви и комната бреда
бравый поручик зарубит соседа
нехрен чудить

кружится вечер закрыты кавычки
соль на паркете рассыпаны спички
серу не тронь

здравствуйте здравствуйте красные ночи
нечего делать прощаться не хочет
вечный огонь

Доктор Мориарти

В доме доктора Мориарти —
Портупея, шинель на кровати,
Два лепажа лежат под полом,
Золотая медаль за школу,
Книг нечитанных сорок полок.
На камине — жуки из глины,
Фотография Магдалины
(Летним вечером в Конаково),
Упаковка пастилок от смерти.
Только нет самого Мориарти —
Увели на рассвете.

жили когда-то отдельно умерли слитно
переодели умыли ловко покрасили поалфавитно

тёрли в тефлоновой ступке под инвентарным 120—120
вместе с растаявшим временем и уходящим
пространством

видимо так неудачно легли наши цифры и буквы в анкетах
в наших анкетах брошенных в маленький ящик когда-то
и где-то

там где квадратное небо кружится по часовой а потом
против стрелки
и по ночам потихоньку идут за моей головою четыре
сиделки

доктор исай фрекенбок и слепой санитар передонов
я полевой колобок пережёванный шар из картона

вот уже книга судеб у этих в руках но я закатился под
половицу
утром царапали оси дымились на лестнице дней
колесницы

всё говорило — сера и дым — побыстрее улетать — здесь
опять недовольны гостями
но не уйти — мне повторять — жёлуди пахнут дождями
жёлуди пахнут дождем

для К. Л.

Психоделическими скрипами
Наполнится небрежный сон,
Когда небесными полипами
Я буду утром унесён

Туда, где трепетными девами
Уже не теплится уют,
Где омерзительные демоны
В прекрасных ангелов плюют

Костями выловленных грешников,
Опознанных и сбитых с ног
В адриатических орешниках,
В которых морок и порок

И мой сурок.

персонаж

ещё я видел поутру как луч
волшебный сын макробиуса-солнца
взамен того чтобы резвиться и ласкать
хрусталь небес и дивные растенья
забрался в комнату угрюмого поэта
и там дрожал

так иногда неловкий персонаж
случайно рвёт натянутую сетку
отлаженного крепкого сюжета
и с тихим ужасом себя находит
на главной площади туркменского посёлка
в ночи без паспорта без баб без денег

любовное

болтай дурачок говори
вон императрица мари
вертится в розовом облаке
в золотистом гамаке

внизу благодарно орёт
её перочинный народ
она любит когда почести
бросает вниз конфетти

пружинный кентавр заводской
болеет любовной тоской
но он не запрыгнет в облако
нет наверняка

распарывая верх и низ
летит железный вокализ
его мотив маниакален
он настигает близ купален
печальных теноров ночных
бедняги он конечно псих
они сдаются наугад
у них за дряблыми щеками
бемоли мелкие дрожат
они поют про яд в стакане
они клянут случайный яд
и бритву тайную сулят

не садись в пустой вагон
не трясись ночным трамваем
там малютка бибигон
ловко головы срубает

говорит мол пошутил
что нетрезвый но хороший
что служебный крокодил
что тотошей и кокошей

воевал под воркутой
потерял две трети тела
но отчизна не схотела
и приехал за тобой

не садись в ночной трамвай
там малыш заточку точит
лучше дома засыпай
спи дружок спокойной ночи

Ночь

Ты не любишь нашей Ночи —
Нам не встретиться с тобою,
Полною болеть Луною
Ты не хочешь, ты не хочешь.

Не мила тебе комета,
Что летала этим летом.
Ищешь, ищешь до рассвета
Под буфетом, под буфетом.

Не грусти, она вернётся,
Запотевшая от страха
Золотая черепаха —
Злое Солнце, злое Солнце.

абраксас

в ночи грохочет абраксас,
но будет тайный знак и час,
когда прислужник семафорный
на белый поменяет чёрный,
и солнце — радостный зверёк —
прочертит небо поперёк,
протянет золотые нити.
и вы тогда меня простите.

Сад

Засыпает летний сад
Только ангелы не спят
Страшны, страшны где трава
Арамейские слова.
Точат пилы, топоры,
Погодите до поры
Торопливые цветы.
Берегись. Не спи и ты.

для терлесс

берегись — среди пахучих трав
за копной — прекрасен и коварен
затаился бешеный нафнаф
злой беглец со старых свиноварен

избежавший вечности бандит
нас погубит — радостных и юных
но промчатся месяцы и луны
мудрая природа отомстит

час пробьёт — за гробовой оградой
выпадет расплата подлецу —
розовые букли Свинокрада
прикоснутся к нежному лицу

Василий

Визжит, вращается подземная пила:
В каменоломне рассыпается порода,
Блестят — черны и холодны — кристаллы зла,
Из жерла с рёвом вырываются уроды.

Но на пути непрошенных гостей — Василий —
Ему судьба опять геройствовать велит —
Он рыкает как зверь, использует делит.
Врагам не захватить сверкающих бастилий.

она

пролилась пропала
в горнии подвалы
лунным молоком
только там никого
анубисы лаяли
domini canni ли
золотые камни
окурены ладаном
ты её помяни
прости её – ладно?

Добрый дьякон

Добрый дьякон двери рубит
От весёлых новостей:
Светлый Бог безумно любит
Дым, собак и злых детей.

Он подглядывал за Богом
В первомайские деньки,
Да шалили за порогом
Золотые огоньки.

дразнилка А. И.

Непристойно, неприлично.
Небо спит. Наглеют птички.
Чёрной стаей кулики
Забивались в косяки.

Слабосдохший птеродактиль
Некультурен и бестактен.
Гадит, гадит на поэта,
А поэту в падлу это.

Небо дайте. Небо — мне.
Я на розовом коне
С марганцовкой на весу
Небо синее спасу.

Или попрошу у мамы
Дезинфекций лучших самых.
Я люблю небесный мёд.
Неба жду. Само придёт.

ёгурт

визгливый ёгурт-самоед
стоял у нашего порога
иных теперь в помине нет
иные вписаны у бога
но их не помнят их немного
мужайтесь барышня обед
непроходимая дорога
пустое дао розовый билет

Василию Уринсону

Другие феи, ангелы не те:
натёрты крылья, приоткрыты пасти.
Скрипит по мрамору коричневый фломастер,
четвёртый снизу иероглиф на плите —
наверно, я. Свершилось, и теперь
мне в мае означать Ich liebe по-китайски.
Но поздно — старый сторож собирает маски.
Зебул устал. Судьба стучится в дверь.

Животное

Тёмные норы
Под Эльсинором.
Там я живу.

Выплюнешь душу —
Сладкую тушу
Ночью во рву

Я поедаю.
Тёплому раю
Что ж ты не рад?

Или не любы
Медные зубы,
Ласковый взгляд?

Предостережение

Чебурашка, не верь.
Хоть и кормит тебя этот М.
мандрагоровым супом,
он — тайный
таксидермист.

камнепадову

гляди у входа в кабинет
где равиоли под призором
где абиссинским вольтижором
визжит и прячется сосед

там меж беспечными гостями
коала плюшевый эрот
стальной полночный небосвод
скребёт волшебными когтями

чёрные валенки серая роба
их заточил залепил и привет
в тесной коробке двенадцать конфет
с ними батончика клаустрофоба
бедный шуршит пастилой и фольгою
слышатся крики и сдавленный свист
так погибает последний радист
в крепости занятой злобной толпою

Демон

В те дни медноголовый демон,
Пугая каменную деву,
Плескал на платьице мазут,
Кротом вертелся – тут бегут

Её ручные кугуары,
Что едко метят троттуары,
Но атакуют с трёх сторон –
И нечестивец побеждён.

А золотые черепашки
Томят злодея в чёрной башне,
Сопя, набрасывают сеть –
Спесивец должен умереть.

Его декады сочтены:
Он видит медленные сны.

угрюм-река

убегай сердешный друг
из архангельского плена
на плоту из пропилена
да гляди утянет крюк
к нам на дно угрюм-реки
тут русалочья могила
тут ползут вагоны с илом
и свистят проводники

Бесы

Несмотря на синий мех
Наши бесы лучше всех.

Вволю кормим их собою:
Наши бесы тонко воют

И икают на луну,
Пятилетнюю войну

Потихоньку разжигая.
Широка страна родная —

Всё равно не сыщешь в ней
Вероломней и подлей.

Нам лежать в пруду у леса,
Но покуда наши бесы —

Марафет и Ундервуд —
Нас в обиду не дадут.

Голем

В пару походный старый жертвенник кренится:
Внимательный до вечера выслеживал игру,
Следил за картами, за чем-то там ещё, за птицей
Кряковицей, насвистывал: я весь/не весь умру.

Потом полночи исчислял, что живо, что скончалось,
Простого знака ждал, варил полезные плоды:
...Из тучи выползли кривые грозовые жала,
И стало видно за окном движение воды,

И страшен просвист зайцев световых в ослепшем
кабинете,
И вот стряслось — и что за милые коленца, нах,
Выделявает мальчик глиняный на каменном паркете
На рваном коврике в забытых письменах.

а если вечером на танцы не пойдём,
нас вечер примется наказывать дождём;

зазубренными искрами покажет,
как можно портить горделивые пейзажи,

из тучи в пустоту пускать ненужный дым;
и город поползёт по рельсам грязевым,

назло желая пасть на дно открытого колодца,
но остановится и мелко затрясётся,

и дрогнет парк, и с каменных посыплются кустов
стада латунных белок с бельмами болтов;

...ну вот, ты этого, наверное, хотела,
(гляди, ещё припомнят гибель третьего отдела)

потом, конечно, будет новый день, и бабочки в росе,
но виноваты, гады, все

фея

восхитительную фею
два Анубиса-злодея
(по пятнадцать метров оба)
запихнув под крышку гроба
тянут в логово Касця

я фигею

мелкий

мелкий любит сновать по четвёртой
от входа колонне молельной залы
вечером там барабаны и дудки и гимны и хор
и на пятнадцатый такт после вступленья органа
— дзыннь — вдруг выбивает пробку где-то под крышей
искры и мелкому слышно как всё замолкает
видно как синий светящийся облак из музыки и молитвы
— пыффа — уходит в отверстие вверх

уж после всего
служитель метёт разный сор
но мелкий смело сидит под конфетной обёрткой
и чего-то смеётся

Гармония

В совмещённой уборной
Ткёт бельканто по нотам
Прожжённым
карболкой и желчью
На бледных
щеках унитаза
Мировую гармонию
Что вверху то внизу

месяц пьяным потаскушею
спит под лучшею из сфер
ах зачем тебя не слушались
дорогой ссср

ночь катается в автобусе
барабанщиком в пальто
пой и радуйся да только всё
всё не то

Косте Лебедеву (для передачи г-ну Фройдю)

Пролетал довольно рано
Легче газа юный кролик
В приапическом камзоле.
В тишине его кармана –

Наши флаги, наши боги.
Нёс пожизненную славу
В направленьи Кракатау,
Да растаял по дороге.

Детское

Гипнотизёр подземных змей
Успеет кролика спасти –
Ему всего двенадцать дней
Пути.

Но заморожена река.
Тюлени прокричали мне –
Его картонный батискаф
На дне.

Горацио, герой природных драм —
нелепый мир его ломал напополам,
да призадумался — быть может, стыдно стало;
герой от радости давай вертеть забралом.

(Так рано утром из последних сил
открытый космос терпит космонавта,
его сварливых баб, его собачку в бантах —
лежит, нахохлившись, и губы закусил.)

Но тщетна радость — в середине сентября
гляди, кого влекут дебелие вакханки
в соседний лесопарк на чёрные полянки:
прощай герой. Жизнь прожита не зря.

полупоэма

1.

в сферах небесных
светлы нетленны
лунные песни,
а на земле нам —
нудно, безлунно;
в парке зарыты
две маргариты
книжником бруно

в тёплом подвале
серые нитки,
белые мыши;
долго ворчали
дуры чухонки
на почтальонку —
нету открытки,
сверху не пишут

старые ставни
в тесной кладовой
забраны камнем,
крашены винным
или бардовым;
и мешковина
вышита красным;
что там — неясно

что там — не видно

2.

обзывал врагами,
а на луне вон — песни;
говорил — повесится
всего на пару месяцев,
ёрзал по креслу,
обещал воскреснуть
бабушке и маме;
знали — обманет

(мы на полнолуние
жили на луне,
полюбили боль;
повиси с моё
на стальной струне,
на басовой соль)

3.

а на воскресенье
прилетят незванные
сёстры милосердия
братья черепановы

истуканы вещице
отроки отважные
пальцы перекрещивать
взглядами поглаживать

высохшие плечики
согнутые ручки
вы меня замучили
люди человечки

я опять за облако
вона как

маленький

как-то нелегко
холодно
сделайте укол
в голову
стану я опять
маленький
буду рисовать
сабельки
проколю больших
стрелами
а карандаши
белые

Землепользование

праздник урожая

в тот день под высыхающей травой
блаженно умирали мотыльки
в пыли немолодые скорняки
пыхтя гоняли мячик меховой

был праздник урожая у воды
овальные подземные плоды
лежали подле слюдяного дома
ундины пели веселились гномы

мелодии вертелись в голове
оранжевые эльфы ботичелли
порхали в опадающей листве
а вы прекрасные и юные сидели

дразнили молодых элементарей
вертелись и кому-то улыбались
дразнились улыбались но не нам
а мы ворча бродили по холмам

обиделись помчались по дороге
пить пиво у последних желобов
скрипеть о тающем осеннем боге
и о символике летающих гробов

я сегодня не усну
кто-то отгибает гвозди
кто-то торопливо возит
медным зубом по сукну
продирается в песке
чёрен день, пропала норка
жизнь — не жизнь, скороговорка
на подземном языке

В отрыв от лета уходя,
Завхоз осеннего дождя
Везёт воды четыре бака,
Его служебная собака

Сидит в тележке тыловой,
Толкает дверку – из-за дверки
Летят стальные водомерки,
Скользят по зыбкой мостовой,

Переливаются, ярятся,
Пугают солнечного зайца,
А тот, в тени липучих слив,
Лежит – бесстрашен и ленив.

за стеной у дервишей пасека тишина
чайная роза зеро алыча зеро чилим
это часто бывает, такое бывает и с ним
надо только чаще и дольше глядеть из окна
из окна глядеть, как висят из небесного мха
семь серебряных ниток, оторванных ото сна
слушать, как хрустит ремень надмирного молчуна
как шуршит у него в кармане махра

Василиск Гнедов

Эй, давай, не ленись, загляни в небо –
Там на небесах Василиск Гнедов,
В голове его торчит золотое Солнце,
Он блистающими звёздами плюется,
Ковыряет небо жестяными сапогами,
Громыкает, гад, треугольными слогами,
Круглыми словами обложит, сука.
– Ну-тка тащи его вниз – будет гаду наука.
– Ну-тка сшибай его суровыми словесами.
– Нет уж, давайте, волоките сами.

ЗМЕИ

змеи внутренней гвинеи
белладонна донный яд
я в себя уставил взгляд
я гляжу на них немея
я киваю невпопад
теорема говорит —
победит нужнейший вид
непонятливые змеи —
если белая болеет
рядом чёрная грустит

ВЫШЕЛ МЕСЯЦ

укатилось смешное солнце —
отлепилось заплатой от неба —
сквозь дыру в небосклоне конница
входит в северный город феба
нечем нынче укрыться нечем
улыбается виновато
крошка-месяц в сиреновом френче
будет резать — круглая дата

КРОТЫ И МАМОНТЫ

створы черные запахнуты
хлад и спуд
под землей кроты и мамонты
не уснут

жаркими ушами голыми
шевелят
шепчут тайное веселое
невпопад

створы черные распахнуты
на три дня
под землей кроты и мамонты
ждут меня

божья коровка

ах ты такая неловкая
не голоси не божись
сбитою божьей коровкою
тащится тащится жизнь

не дотянуться до лужицы
не переплыть не успеть
лёгкая лёгкая кружится
чёрным комариком смерть

блесна (Ренате)

но никто расспрашивать не станет
что за дым лежит на поле брани
и какие бабочки кружат
забродил тяжёлый виноград

ночью выбита земная пробка
по параболе под утро робко
к нам спускалась лунная блесна
только лунка дымная тесна

Глина

Тише, тише – дышит глина,
Манит дудочка-свисток
По полянам, по долинам
Вверх на северо-восток.

Стретто форте, стретто форте –
Крепнет тонкий голосок;
На последнем повороте –
Влево вниз наискосок.

чеганда

на три недели в чеганду, на три недели
твоя собака волкодлак — почти медведик
глядела в небо — лишь она могла заметить
что с неба спутники — не ангелы летели
беда — дожди и жолуди — такое лето
и нам собаку не понять — мы были дети
и ты болела, пела и плела браслетик
из волчьей ягоды и бересклета

Осень

Погляди — почти не плачут
Восемь маленьких собачек,
Просят старенького бога —
Посмотрите за дорогой —

Ждут гонца от Антиоха
Или, может, ждут не очень —
Просто скоро будет осень.
Просто плохо.

Воробей

Глумится осень, но Прекрасный Друг,
Набив в небесный невод косяки грачей,
Чулимовок, скворцов и прочих сволочей,
Заботливо влечёт его на юг.

Да крупновата ячея для воробья,
И воробей с подругою своей
Опять заложником холодных дней
Останется, как ты и я.

умиротворённое

как спокойно бывает зимой
как спокойно и тихо и утро и мёртвые флаги
так однажды бывает — ты мой
предпоследний диагноз на серой почтовой бумаге

что не знает глухой костюмер
он опять перепутал дома время года костюмы
костюмер — ненадёжный пример
зачеркнуть этот адрес писать невпопад и не думать

записать этот медленный яд
там с утра в предпоследней строке предпоследней
страницы
спят мои зверобоги — сопят
но ещё не утихли подземные птицы

Сыктывкар (И. А.)

В Сыктывкаре полуденный снег —
Он не белый, не чёрный, а серый;
Серый снег — это чья-то химера,
Он засыплет любой оберег.

В Сыктывкаре полуденный снег —
Это в тучах небесный Некрасов —
Потрошитель перин и матрасов —
Замышляет безумный побег.

Мы с тобой убежим в январе,
Мы сдадимся ему в Сыктывкаре —
Снег к полудню бывает в ударе —
Нам успеть умереть на заре.

такой зимой
припомни — каждый божий день плутали
когда небесный проводник в печали
и к нам с тобой
он глух и слеп

не бойся — мы в его ладони крепкой
он летом подрабатывает лепкой
на соль и хлеб

История

Затем задолго звать зарю,
Писать петицию царю,
Учить точить, мычать, сличать,
Потом пытаться, почём печать.
Но их, наверно, обманули:
В квартал кастрировать кастрюли,
Где пел больной городской
Ночных наяд неярный рой,
Боясь будить босых богов,
Но климат клиники таков.

Зуди, зарю зовущий зуммер,
А я давно устал и умер.

Вычитывай, пеняй на горного Мазая:
в такие зимы и поток сознания замерзает.
Но, скажем, только отношение возьми
сознания к подсознанию — одиннадцать к семи —
глядишь: такой ручей совсем не леденеет.
Гляди, гляди, всё ярче, всё виднее:
на берегу, в траве, босой, когда-то, где-то
сидит и наблюдает Роббин имярек
паденье бабочки на пластиковый снег,
пророческий удар и отраженье в лето.

Водолей (И. Р.)

Вчера ярился чёрный водолей:
Пока, зарывшись на заснеженной поляне,
Троллейбус дул на отморозенный троллей,
Рядами вырвавшись наружу, поселяне

Плясали, с ними дядька Агасфер —
И в небе ездоки внезапно замечали
Асимметричный крест в искрящемся овале
И слышали шуршанье сфер.

Егорка

Не до слёз зверьку Егорке:
То ли кошка, то ли мышка —
Жизнь — смешная коротышка —
Укатилась с дальней горки.

Корнеплод

Зимой играть в подземные плоды,
Весна – совсем другое время года –
Любовная погибель корнеплода
От раскалённой добела воды.

И защитить его уже не смогут
Четыре слоя толстой кожуры,
Толчёные хрустальные шары
И письма Богу.

Новый день

Замёрзли лужи на заре, такой мороз.
Водитель хмурится, скользит мусоровоз,
Он дворника зовёт, он на него бранится —
И вот из дворницкой взлетает, будто птица,
Дородный Фахрутдин, разбрасывая соль —
Водитель соли рад, благодарит клаксоном,
Из форточки клянут суккубов и масонов,
И лишь дворовый пёс, слышав си бемоль,
Зеваёт, щурится, старательно поёт —
Он знает, где укрылся новый день, и вот
Уже под досками его находит сходу,
За крылья волочёт в морозную погоду.
Потом ещё куранты бьют. Вперёд.

Будет лето

Всё равно будет лето,
Дождик натяжеле,
Мы на этой земле,
И пчелою напето

Это небо над нами.
Так велит в феврале
На гадальном столе
Фиолетовый камень.

Весна

Вдохни и выдохни. Весёлая весна
По лужам шлёпает большими сапогами,
Пыхтит, зовёт на праздник поли/моногамий,
Она невежлива, ленива, нескромна —

Поди и ты дойди до этой долготы!
Сегодня у весны в кармане телогрейки
С утра безумствуют лесные канарейки
Поют счастливые древесные кроты

(Плевал на всех и сладко дремлет полуслон).
Но нас с тобой туда опять не пригласили:
Там правят бал степенный гусельник Василий
И бешеный гусяр Илларион.

Жук

Я знаю: в голове — чугунный жук.
Он слесарь слов и мыслей провожатый.
Он домосед. Но в день двенадесятый
Его снесёт тяжёлый жёлтый звук.

Ликуй, слоняйся с легкой головой!
Глядь: поводырь опять в твоём курзале.
Так злобные зуавы воскресали
На акварелях Первой Мировой.

ГНОМ

Дождаться солнца,
Думать об одном —
Что в стене колотится
Неуёмный гном.

Докучает играми,
Ползает в стене
И под утро выпрыгнет
В комнату ко мне.

Но стенного карлика
Невелик улов —
Глиняное яблоко
Да болиголов,

Что зажал страницами
Полевой роман,
Вымышленный лицами
Из далёких стран.

...Настроенье скверное,
Не готов обед,
И меня, наверное,
В этом доме нет.

Сирень

Дети, дети, скачут тени
В серой заросли сирени,
Там сиреневый фантом
Бьёт сиреневым хвостом,

Водит круглыми глазами,
Понукаемый низами.
Очень страшно рвать сирень,
Вот такая хрень.

Феб

Гудят ночные небеса:
Злодей злословит и змеится.
Не спит прекрасная девица,
Бойтся... Скоро три часа...

...Но утром! погляди с балкона:
Велик, прекрасен и нелеп
Уже парит на небе Феб,
Ловец унылого Пифона;

Звенит весёлою стрелой —
Змея летит на дно колодца —
А бог кивает головой
И заразительно смеётся.

Повилика

Я прикручен

Проводами повилики к этим травам.

Плюс — на туче.

В этой туче слева лёд, а пламя справа.

Минус — в речке.

Там по дну вода несёт чужую стаю.

Это — вечер.

Это ветер, это вечность — я не знаю...

Диспетчер

Опять дежурно напророчит —
Диспетчер смены дня и ночи,
Как май в зелёной плащанице
Расплёскивается по страницам
Цветами сакко и ванцетти,
Но мы теперь чужие дети,
И ничего не нужно маю,
И он, конечно, понимает —
Его рукою водит бездна,
Но бесполезно, бесполезно...

фибоначчи

фибоначчи был тогда брутален
делал утром сальто имортале
девушкам шутил под болеро
громко вдохновенно и остро

и однажды вечером на даче
он заметив сочетанье тел
заболел и вызнать захотел
что такие сочетанья значат

нечет или чёт в его мозгу
но была противная погода
сумерки: упившегося фройда
не дозволись дети на лугу

Солнечный день

Солнечный день вытекает из дырочки в банке,
только что сладкой свистулькой свистел — и растаял,
робко гуляет бездомное тремоло в парке,
тёмное дымное лето, да дремлют седые собаки —
наши собаки на старых диванах собачьего рая —
тихо вздыхают — ещё один день вытекает.

август

он просил и не снилось наверно пора
там по синему дыму правее и выше
пилигримы купальщицы и доктора
сторожа и певицы его не услышат

он просил и спасибо и не было сил
чтоб осталось хотя бы девятое лето
где оранжевый август нарядный дебил
с голубыми глазами мычал до рассвета

Пчёлы

Лети, не упусти губительный нектар —
Горящий мёд в гудящих горних цветоложах,
Мы будем веселы, мы станем звонкокожи,
Пускай пожарищем закончится пожар,

Пускай опять бубнит бессмысленный креол:
«Есть Книга Слов — и на двенадцатой странице
Стальные лепестки небесной медуницы
Разят безумных пчёл!»

царь бутана (К. Л.)

1.

позабудь что в переходе нашептали кот и кит
сорок лет сопи на печке
перекладывай словечки
ты не слушай как карлушей будешь пытан и убит

кошки серы кошки белы царствуй детка не серчай
спи на тёплом ложементе
пусть звенит на киноленте
бодрийара пифагора переехавший трамвай

2.

а у платформы лося
вечером кто-то вещей
имя твоё скрежещет
но ничего не бойся

ведь из последней силы
зорко следят за нами
божи и крокодилы
розовыми глазами

ВАСЯ

не играл бы латынью
а то не увидишь
в курляндских лесах
на дереве жизни
сидит серый вася
задумчивый котик
и острою лапкой
царапает трогает
корочку мира
подденет звезду
гляди полетела
загадывай что-нибудь

крот

когда тревожно на дворе
когда не спит варан в норе
беснуются пейзажи
негоже бегать детворе
серёже пете ане

глядите в окна — небосвод
волнуется — небесный крот
завертится проснётся
и в пыльной туче вам найдёт
звезду луну и солнце

Книга

Всё образуется, ну-ка, дружок, погляди:
На иллюстрации каменной книги законов
Старые карпы в пруду превратятся в драконов,
Вызволят солнце, прогонят чужие дожди...

В каменной книге судеб наугад прочитай:
Жили – недужили за переборкой фанерной;
В комнате должен остаться восторженный Кай,
Только безумная Герда выстрелит первой.

Скарабей

Умер мой скарабей.
Он теперь просто дым —
Дым, под ним этот дом.
В доме не до гостей.
Старый ветеринар,
Серого серебра —
Мне теперь нахера —
Сыпь в футляр.

Небо

Золотая лестница —
Небесная печаль.
Мне б давно повеситься,
Да собаку жаль.

Заря

Когда увидишь корешки
Из намагниченных опилок;
Когда из плюшевых могил
Встанут латунные божки,
Летят к пустому алтарю —
Играть в людей и насекомых;
На полустанках незнакомых
Встречать холодную зарю —

Я возвращаюсь на постой —
Не стойте в точках перегруза;
Моя заплаканная муза
Сегодня снова не со мной;
Опять неузнан и один —
Среда, вторая четверть века,
Всё те же рожи, картотека,
Ботинки, уголь, аспирин.

Альбиносы (И. А.)

У волшебных берегов
Стать зелёною волною:
Там у брошенных богов
Позабытою порою

Возродился тайный сад:
В нём альбеде и нигредо
Бьются сотни лет подряд
От зари и до обеда,

Проклиная наугад
Ионические культы;
Ты послушай, как гудят
Золотые катапульты,

Скорлупу прозрачных стен
Прожигают злые осы,
Погибают не за хрен
Боевые альбиносы.

У волшебных берегов
Стать зелёною волною.
Я, наверное, готов.
Между солнцем и луною.

персефона

девой персефоною
сорваны подсланы
голытьба и лёд
нарисуй зелёное
дерево над островом —
только не спасёт

не зажгут фонарики
не раскроют ноженки
ёжики весны
возле птичьей фабрики
вечности заложники
будут казнены

по такому случаю
своят на трамвайчике
в чёрно-белый ад
полчаса помучают
солнечного зайчика
а потом простят

Оглавление

Переходы	3
Переходы	5
Душа	6
Кот	7
Прошлые (для Argentum)	8
Хоровод	9
«этой ночью воздух обесточен...»	10
Холодно	11
Хранитель	12
Снег	13
Сумерки	14
Котик	15
Лиза	16
Апрель	17
Ленинград	18
колчедан	19
Перекрёсток	20
Звёзды	21
Картонка	22
Под землёй	23
метаморфоз	24
Венеция	25
розмари	26
День	27
Кораблик	28
не удержат	29
Рисунок	30
Жара	31
для СтеппенВольфа	32
Happy birthday	33
Велосипед	34
делирий	35

туча	36
Гностик	37
осеннее	39
Стены	40
Прохожий (О. Р.)	41
«в среду вечером скажут – сдуру можешь поверить...»	42
Дедушка	43
Судьба	44
Словолы	45
«сидит, кивает головой...»	46
Изюм	47
«заставляли остаться живым: чтобы наверняка ...»	48
Черновики	49
Ужин	51
Мефодий	53
«любовь – это всё же что-то другое...»	54
Апельсины (И. А.)	55
Змея (И. А.)	56
sugar-free роет	57
Шар	58
Ужин	59
Замерзать	60
Саламандра	61
Незабудка	62
Ничей	63
Сосед	64
Сто двадцать пятый	65
Зима	66
пеликаны (для n_tau)	67
Новый год	68
Новогоднее	69
Пёс	70
ангел	71
Натаниэль	72
Рыбы	73
для АУ	74
А. Е.	75

Erotique	76
В июле	77
nevercome	78
«нам не справиться с ролью ...»	79
Беатриче	80
Маша	81
елена	82
мальвина	83
Фёдор	84
Бдолах (К. Л.)	85
Космополис	86
Песенка	88
«вздорные гномики вздёрнули моцарта...»	89
Кристаллы зла	91
Вдохновение	93
«было весело сестрица сонечка...»	94
Сны	95
Борьба (1)	96
Борьба (2)	97
Гонец	98
оборотень	99
Ледяные шмели	100
спички	101
Доктор Мориарти	102
«жили когда-то раздельно умерли слитно...»	103
для К. Л.	104
персонаж	105
любовное	106
«распарывая верх и низ...»	107
«не садись в пустой вагон...»	108
Ночь	109
абраксас	110
Сад	111
для терлесс	112
Василий	113
она	114
Добрый дьякон	115

дразнилка А. И.	116
ёгурт	117
Василию Уринсону	118
Животное	119
Предостережение	120
камнепадову	121
«чёрные валенки серая роба...»	122
Демон	123
угрюм-река	124
Бесы	125
Голем	126
«а если вечером на танцы не пойдём...»	127
фея	128
мелкий	129
Гармония	130
«месяц пьяным потаскушею...»	131
Косте Лебедеву (для передачи г-ну Фройдю)	132
Детское	133
«Горацио, герой природных драм ...»	134
полупоэма	135
маленький	138
Землепользование	139
праздник урожая	141
«я сегодня не усну...»	142
«В отрыв от лета уходя...»	143
«за стеной у дервишей пасека тишина...»	144
Василиск Гнедов	145
змеи	146
вышел месяц	147
кроты и мамонты	148
божья коровка	149
блесна (Ренате)	150
Глина	151
чеганда	152
Осень	153
Воробей	154
умиротворённое	155

Сыктывкар (И. А.)	156
«такой зимой...»	157
История	158
«Вычитывай, пеняй на горного Мазая...»	159
Водолей (И. Р.)	160
Егорка	161
Корнеплод	162
Новый день	163
Будет лето	164
Весна	165
Жук	166
Гном	167
Сирень	168
Феб	169
Повилика	170
Диспетчер	171
фибоначчи	172
Солнечный день	173
август	174
Пчёлы	175
царь бутана (К. Л.)	176
вася	177
крот	178
Книга	179
Скарабей	180
Небо	181
Заря	182
Альбиносы (И. А.)	183
персефона	184

Михаил Квадратов

Землепользование
Стихотворения